

Рецензия

Е. А. Носенко-Штейн

Носенко-Штейн Елена Эдуардовна (Москва, Россия) — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН. Email: nosenko1@iea.ra.ru

**Рецензия на книгу С. М. Алейниковой
«Русский мир»: белорусский взгляд. — Минск: РИВШ, 2017. — 240 с.**

Монография С. М. Алейниковой является первой в белорусской политологии и одной из немногих в российской науке попыток комплексного анализа феномена «Русского мира» (РМ). Он представляет собой глобальный российский интеграционный проект, направленный на «собрание» земель и народов — объединение России, Беларуси, Украины и некоторых других стран (где имеется русскоязычное население) на основе неких (иногда довольно расплывчатых) общих ценностей.

Понятно, что геополитические реалии вносят в осуществление этого мегапроекта свои коррективы (например, проблематичность объединения с Украиной в обозримом будущем). Многое из идеологии «русского мира» почерпнуто из доктрин славянофильства, панславизма, евразийства и некоторых других.

С. М. Алейникова стремится разобраться в тех базовых критериях, на которых зиждется идеология РМ. Причем, эта попытка сделана белорусским исследователем, т. е. анализ сделан как «изнутри» «русского мира», так и «извне». Дело, конечно, не только в географическом положении Беларуси. По мысли автора (как и многих белорусских ученых), Беларусь всегда была мостом между Россией и Европой, православием и католицизмом, либерализмом и традиционализмом (шире — между Востоком и Западом). Правда, на подобную роль претендуют многие страны, занимающие аналогичное место между Востоком и Западом и их культурными парадигмами. И все же в книге, по моему мнению, преобладает взгляд «извне», что дает автору необходимую перспективу для рассмотрения такого сложного и неоднозначного явления, как РМ. С. М. Алейникова занимается этой проблематикой не первый год, прекрасно знает литературу и потому всесторонне освещает генезис концепта РМ с момента его возникновения в 1990-х гг. начиная с работ П. Щедровицкого, в которых РМ рассматривается не столько как цивилизационное образование, сколько как стратегия поддержки «русского человеческого капитала» за границами России. При всей расплывчатости такого определения стано-

вится понятным «сетевой», или, проще говоря, транснациональный статус РМ. С. М. Алейникова совершенно верно указывает, что «по сути, заявленная концепция РМ сразу была оформлена как несколько модернизированная, но мало изменившаяся по содержанию «русская идея»» (с. 7). Основываясь на тщательном анализе обширной литературы (список которой, помещенный в конце рецензируемой книги и не совсем удачно обозначенный как «список использованных источников», немного не «дотягивает» до 700 наименований), следовательница выделяет три основных подхода к определению сущности РМ: культурно-цивилизационный, религиозный и геополитический, хотя, как она сама отмечает, в большинстве работ встречается сочетание различных подходов. Этому посвящена первая глава, в которой автор подробно останавливается на всевозможных определениях РМ, включая довольно странно звучащие, вроде «энергия русской культуры», «система социокультурного развития», «культурно-доктринальная платформа», «культурный прецедент» и тому подобные экзотические и малопонятные дефиниции. Признаки РМ, выделяемые сторонниками культурно-цивилизационного подхода, восходят, как пишет автор, к сталинскому определению нации (добавлю — и к еще более раннему определению этноса, данному С. Широкогоровым и впоследствии разработанному создателями теории этноса). Размытость критериев еще больше затрудняет определение сути РМ, что отражает не только сложность и неопределенность самого РМ, но и серьезные проблемы отечественного (в данном случае российского) гуманитарного знания. Подобная терминологическая неряшливость — и автор справедливо обращает на это внимание — дает основания некоторым исследователям говорить о РМ как о «воображаемом сообществе» (с. 15; более точный перевод заглавия знаменитой книги Б. Андерсена — «воображенные сообщества» — глубже отражает суть явления). В рамках культурно-цивилизационного подхода, который С. М. Алейникова считает наиболее удачным, РМ представляет собой модернизированный вариант

«русской идеи» (с. 24). Поэтому логично, что религиозный подход к РМ автор считает разновидностью культурно-цивилизационного, подчеркивая, что в религиозном подходе главное место занимает православие и РПЦ. Это естественным образом «сужает» рамки РМ не только за счет славян, принадлежащих к иным христианским деноминациям, но и за счет русскоязычных, не принадлежащих ни к какой конфессии. Правда, как замечает С. М. Алейникова, «неизбежно встает вопрос о ранжировании остальных религий и народов по степени их святости, богоизбранности и т. п.» (с. 27). Это, в свою очередь, чревато проявлениями националистических и фундаменталистских тенденций уже не в научном дискурсе, но на практике. Более того, такой подход нередко расходится с реальным положением дел, когда большая часть населения бывшего СССР идентифицирует себя не столько с религиозной традицией, сколько с социокультурной, в которой сформировался «секулярный верующий» (с. 29).

Сторонники геополитического подхода к РМ делают упор на диаспоральной политике РФ. Это, что вполне естественно, наиболее политизированный подход, предполагающий своего рода «протекторат» России над РМ, который включает в себя постсоветское пространство и русскоязычное зарубежье, противопоставляемые остальному глобализованному миру (т. е. являющий своего рода имперский проект с заметными элементами национализма и изоляционизма). Интересно, что С. М. Алейникова обращается к опыту диаспоральной политики государства Израиль (которое нередко ставится «в пример» «правильного» отношения к «соотечественникам»), подчеркивая многочисленные различия не только между характером «метрополий» (России и Израиля), но и самих диаспор, которые делают этот опыт неприменимым для РФ (с. 47). Добавлю опыт некоторых других стран, например, Греции и Германии, диаспорная политика которых, как и политика Израиля, имеет этнический характер и потому вряд ли может быть применима в случае РМ.

Во второй главе, где идет речь о генезисе РМ в контексте «русской идеи», автор особо отмечает, что в русле этой доктрины истоки русской (российской) государственности определяются как религиозные (Крещение Руси, наследие православной Византийской империи) и политические (наследница империи Чингизидов). Характерные для «русской идеи» представления о сакральности истоков российской государственности, мессианство, «особый путь», противопоставление России Европе — весь этот давно известный «набор» идеологием лег в основу религиозного про-

екта РМ, продвигаемого РПЦ. Замечу: не только РПЦ, но и националистами (особенно православного толка), а также монархистами эти идеологии тоже весьма востребованы. Для обоснования своих позиций С. М. Алейникова проанализировала обширный корпус текстов, начиная с произведений древнерусской литературы до работ Л. Н. Гумилева, в которых содержатся те положения, которые формировали «русскую идею» и религиозный проект РМ. Отмечается постепенный «дрейф» «русской идеи», все более утрачивающей философский характер и приобретающей функциональный характер. «Наиболее эффективным инструментом согласования противоречивых положений в данном случае становится набор идеологием — стереотипных представлений, укорененных в массовом сознании общества и отвечающих основным его социальным ожиданиям» (с. 79). Так, сакрализация истоков власти привела к отсутствию упоминания особой роли России в процессе возникновения и развития РМ, поскольку Россия является лишь одной из составляющих «Святой Руси» (Беларуси, России и Украины). Соответственно, и роль русского языка и культуры в рамках этой идеологии вторична по сравнению с православием и сакральной властью. Отсюда вытекает и отмеченное С. М. Алейниковой сочетание культурного плюрализма (впрочем, довольно условного) и религиозного монополизма. «Белорусский взгляд» здесь представлен указанием на место (точнее, его отсутствие) Беларуси как самостоятельной культурной и языковой «единицы» (не говоря уж о государственности) в религиозной концепции РМ. Указанные изменения дают основание говорить «о реконцептуализации «Святой Руси», суть которой состоит в переориентировании сакральных смыслов на понятие цивилизационной общности трех или четырех государств» (с. 84). А в идеологии современной РПЦ РМ в идеале должен стать подобием Византийской цивилизации.

При всей своей противоречивости, проект РПЦ представляет собой довольно успешную технологию манипуляции общественным сознанием. Именно это, в свою очередь, позволило С. М. Алейниковой рассматривать РМ как инструмент «мягкой силы» (способности добиваться желаемой цели с помощью добровольного участия принуждаемых). Теоретически такое воздействие могло бы дать неплохие результаты, но на практике они мало заметны, как мне кажется, в силу многих недостатков религиозной концепции РМ, в том числе его патерналистского и излишне идеологизированного характера. Анализируя деятельность различных фондов, программ и т. п.,

поддерживающих цели и задачи РМ, С. М. Алейникова отмечает, что многие из них направлены, вопреки декларациям, не столько на поддержку русского языка, на научные и образовательные цели, сколько на проведения развлекательных и имиджевых мероприятий (фестивалей, праздников и пр.). Это и многое другое позволяет мне не согласиться с выводом автора о потенциальной возможности использования концепта РМ в качестве одного из перспективных интеграционных инструментов «мягкой силы» в международных политических процессах (с. 106). Именно излишняя и односторонняя идеологизированность РМ, его патерналистский и «православноцентристский» характер и многое другое, на мой взгляд, послужит скорее препятствием этих задач, нежели будет им способствовать.

В третьей главе автор продолжает критическое осмысление роли концепта РМ в украинской научной мысли, а также в белорусской государственной идеологии и общественном сознании (в последнем случае С. М. Алейниковой были проведены эмпирические исследования). Для российского читателя эта глава представляется наиболее интересной, ибо подобных работ в отечественной литературе не встречалось. Анализируя украиноязычный «сектор» публицистики, С. М. Алейникова отмечает негативное отношение к РМ, особенно в выступлениях и статьях религиозных лидеров и политиков («античеловеческая идеология», «фашистская идеология» — вот лишь немногие примеры используемых клише). Интерес же украинского научного сообщества к РМ возник в последние годы в связи с конфликтом с Россией, потерей Крыма и прочими печально известными событиями; прежде этот интерес был минимален. Замечу, что события, подобные названным выше, обычно приводят к мобилизации этничности и пробуждению даже спящей идентичности (*dormant identity*); именно это и произошло на Украине, в том числе среди историков и политологов, которые, как указывает исследовательница, подвергают критике многие сложившиеся в российской, а затем советской историографии концепты «древнерусской народности», «единой русской народности» и др. (с. 108-109). Главным объектом критики выступает деятельность РПЦ, а РМ воспринимается как одна из политтехнологий противоборства культур и народов. К сожалению, многие уже отмечавшиеся выше черты РМ (принятого, к тому же, сепаратистскими движениями) способствуют такому восприятию и даже провоцируют его. Например, концепция РМ как наследника Византийской цивилизации осмысливается украинскими учеными как негативный

фактор, «оторвавший» Украину и Россию от Запада в пользу Востока (с. 113), как геополитический проект (что, в общем, верно), угроза национальной безопасности страны, российская экспансия и т. д. Предлагаются и меры противодействия РМ (например, идея «Киевской Руси» как противопоставление «Святой Руси», «украинского мира» и др.). Надо сказать, что в этом разделе С. М. Алейникова — и в этом я вижу особенность «белорусского взгляда» на проблему РМ — не боится не просто касаться болезненных для России и Украины тем, но и подвергать анализу многие из них (чего обычно не хотят или не могут себе позволить российские ученые).

Далее автор переходит «на свое поле»: т. е. рассматривает роль РМ в государственной идеологии и научном дискурсе Беларуси. Собственно в белорусской политологии обращение к концепту РМ, как пишет автор, практически отсутствует, хотя его отдельные элементы и являются предметом дискуссии (с. 126). В белорусских политологических и исторических работах особую важность приобрели дискуссии об этногенезе белорусов, а также истоках белорусской государственности, поскольку выбор модели развития очень значим для определения стратегических целей Беларуси в сфере внешней политики и определения иерархии культурных ценностей. В отличие от украинских, белорусские авторы часто видят корни белорусской государственности в триединой общинности (русские-украинцы-белорусы), а также придерживаются концепта «древнерусской народности», из которой выделились три этнические группы. В ряде работ подчеркивается также родство «белорусской» и «русской» идей, хотя в рамках первой высказываются суждения о самостоятельной роли Полоцкого, Витебского и некоторых других княжеств, а затем Великого княжества Литовского в становлении белорусской государственности, хотя период вхождения белорусских земель в состав Речи Посполитой часто обходится молчаливым (с. 130). В отличие от украинской историографии, белорусская в целом позитивно оценивает советский период белорусской истории. Кроме того, в трудах белорусских ученых явно или латентно присутствуют утверждения о ключевой роли православия в формировании белорусской культуры и государственности, хотя при этом католицизм и православие друг другу, как правило, не противопоставляются; обычно не делается и акцент на мессианской роли православия, а опыт белорусской государственности рассматривается одновременно как порубежье и как синтез византийского Востока и латинского Запада. В отличие от большинства стран Восточной Европы,

где выстраивается конфликтная модель национальной истории, одним из глубинных отличий белорусского измерения РМ является «сочетание и взаимодополняемость двух ветвей христианства» (с. 135). Подобное отсутствие каких-либо противопоставлений, культивирования образа врага, оппозиции «Восток — Запад», тесная связь с Россией — по мнению исследовательницы, характерно для «белорусской идеи». В этой связи заслуживает внимания освещаемый С. М. Алейниковой концепт «белорусского мира», который принципиально отличается от РМ: «белорусский мир характеризует наднациональный, “сберегающий различия” вариант организации общества по принципу не слияния, но со-развития; ведущая роль в БМ отводится Беларуси» (с. 141-142). Говоря о месте РМ в структуре государственной идеологии Беларуси, С. М. Алейникова отмечает, что эта проблематика в ней по существу отсутствует, и далее обращается к отношению к этому концепту в восприятии белорусской молодежи (студентов — будущих госслужащих) и управленческой элиты (госслужащих и руководителей государственных органов и организаций), тем более что автор работает в Академии управления при Президенте Республики Беларусь, где она и проводила в 2012-2014 гг. эмпирические исследования. Для этого она применяла анкетные опросы и ассоциативные эксперименты. Сами анкеты и программы ассоциативных экспериментов приведены в Приложениях к книге и представляют большой интерес не только как демонстрация результатов исследования, но и его инструментария. Здесь нет возможности и необходимости пересказывать результаты исследований, отмечу лишь, что в обеих группах высоко оценивается суверенитет и независимость Беларуси, а также значимость советского этапа ее истории (с. 146). Любопытно, что позитивно оцениваются (осо-

бенно молодежью) как либеральные, в том числе индивидуалистические, так и коллективистские и православные ценности, обычно противопоставляемые в концепте РМ. Опираясь на свои эмпирические данные, автор утверждает, что РМ как религиозный проект не соответствует реалиям и ожиданиям белорусского общества (с. 151). Реализация же РМ как геополитического проекта вызывает двойственное и нередко негативное восприятие. Характерные для идеологов РМ сакрализация и исключительность многих символов в коллективном сознании белорусов таковыми не являются, для них характерно более прагматичное отношение ко многим ценностям РМ. Вообще в этом разделе автор не боится «нажимать на болевые точки» белорусского общества, включая отношение к России, Украине, событиям в Крыму и пр. С. М. Алейникова полагает, что в Беларуси в целом распространено индифферентное отношение к РМ, а сам этот концепт в его существующем виде невостребован (с. 162).

Иными словами, РМ в настоящее время представляет собой, как отмечается в книге, модернизированный вариант «русской идеи» и инструмент «мягкой силы» Российской Федерации. Имеет ли этот неоднозначный и противоречивый проект будущее — покажет время.

Я остановилась лишь на некоторых проблемах, затронутых в этой глубокой, очень интересной, очень честной и нужной книге. Ее нет смысла пересказывать, ее нужно читать, причем, не только специалистам — социологам, политологам, философам и др., и чиновникам, особенно ответственным за «идеологический фронт», но и студентам, специализирующимся в социальных и гуманитарных дисциплинах (книгу вполне можно рекомендовать включить в программу обязательной литературы для политологов, социологов, антропологов, историков).